

Психология кениантропа

Н. В. Клягин (Институт философии РАН)*

The psychology of kenyanthrope

N. V. Klyagin (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: по лингвистическим данным, психология нашего прямого предка, кениантропа с озера Рудольфа, послужила основой психологии современного цивилизованного человека и отличается от психологии остальных народов современности.

Ключевые слова: интеллект, искусство, кениантроп, нравственность, образ жизни, охота, психология, религия, язык *Олди*, язык *Руди*.

Abstract: linguistics says that the psychology of our direct ancestor, kenyanthrope of the Rudolf lake was a foundation of the psychology of a modern civilized man and differs from the psychology of modern primitive peoples.

Key words: art, hunting, intellect, kenyanthrope, mode of life, moral, Oldy language, psychology, religion, Rudy language.

Человек, его двуногие предки и родственники относятся к трибе *гоминин* семейства *гоминид* отряда приматов (Groves, 1989: 70). Первым *прямым* двуногим предком человека можно считать гоминина *кениантропа плосколицего* (*Kenyanthropus platyops*), непрерывно жившего на берегах озера Туркана (Рудольфа) в Кении 3,5–3,2 млн лет назад (Leakey, 2001: 433-440). Прямым потомком этого гоминина явилось в своем роде замечательное существо, *кениантроп с озера Рудольфа* (*Kenyanthropus rudolfensis*), живший 2,43–1,8 млн. лет назад на территории таких государств Восточной Африки, как Кения, Танзания, Малави и Эфиопия (Клягин, 2007: 84-85).

Физическая организация

Для своего времени кениантроп с озера Рудольфа являлся высокорослым гоминином (154 см), в чем не уступал таким крупным гомининам, как парантропы эфиопский, бойсов и массивный. Высокорослость говорит о том, что эти гоминины являлись акселератами. В остальном кениантроп разительно отличался от парантропов и от австралопитеков. Объем мозга у кениантропа превосходил 750 куб. см (Falk, Nadar, 1985: 46). Кениантроп имел гладкий лоб без надглазничного валика и выраженных надбровных дуг. Но, главное, в левой височной извилине головного мозга он обладал развитыми зонами Брока и Вернике (Yellen, 1986: 774), которые управляют у людей членораздельной речью. Встает вопрос: о чем он говорил?

* Клягин Николай Васильевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 339-04-67.

Язык кениантропа

Древнейшим известным нам языком является реконструированный ностратический праязык, распавшийся на Ближнем Востоке 16 тыс. лет назад. Ностратический праязык располагал 50-ю фонемами, и они были очень неравноценными. Некоторые фонемы представляли собой элементарные звуки. Таковы глухие смычные (звуки типа русск. «р», «т», «к» и увулярного «q», которого в русск. языке нет), простые сибиллянты (звуки типа русск. «s», «š»), латеральные звуки (типа особых «š» и «λ»), 2 фарингальных (ħ, ʕ) и 2 ларингальных (ʔ, h) звука, произносимых в глотке и гортани, 6 сонантов (типа русск. j, w, r, l, m, n) и 6 гласных звуков (a, o, u, ä, e, i), т. е. всего 24 простых звука.

Наряду с ними имелись комбинированные фонемы: 1 гласная и 25 согласных. Так, огубленный гласный «ü» звучал как франц. «u». Глухие смычные имели звонкие (с колебанием голосовых связок) и глоттализированные (с гортанной смычкой) варианты (аллофоны). Свистящий сибиллянт «s» имел палатальный (смягченный ś) и звонкий (z) варианты. Твердый («s», «z»), мягкий («ś», «ž») и шипящий («š», «ž») сибиллянты, снабженные дентальным (зубным) приступом (типа русск. «t» и «d»), давали аффрикаты (типа «ç», «с» и «з», «ć», «с» и «з», «č», «ч» и «ж»). Латеральный звук «š» породил латеральную аффрикату «č». Наконец, сонант «r» имел смягченный вариант «r̥». Сонант «l» имел твердый (ɫ) и смягченный (ɭ) варианты. Сонант «n» имел смягченный (ɲ) и апикально-какуминальный (ɳ, кончиком языка к вершине твердого нёба) варианты (Клягин, 2009: 63).

Поскольку в ностратическом языке имеются синонимы, различающиеся лишь аллофонами, можно предполагать, что эти синонимы ведут происхождение от праформы простого звучания. В конечном счете они, вероятно, восходят к словарю языка *Руди*, принадлежавшему кениантропу с озера Рудольфа и названному в его честь. Например, слово языка *Руди* R. 3344. kára «шип (penis)» дало ностратические слова Н. kára, kára, gára «независимый мужчина», начальный согласный которого представлен тремя вариантами: глоттализированным, глухим и звонким смычными. Язык *Руди* располагал 24-мя вышеназванными простыми фонемами. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наши родичи обезьяны шимпанзе при общении используют 23 звука. То есть наши обезьяноподобные предки располагали репертуаром звуков, количественно близким репертуару звуков шимпанзе, что представляется правдоподобным.

Исходный обезьяний язык *Олди* кениантропа и его предков, состоявший из 24-х звуков, удивляет своей семантикой. Мы бы ожидали, что эти 24 звука означали объекты каких-то органических потребностей типа пищи, брачного партнера, источника опасности и т. п. Однако установленная комбинаторным

методом семантика фонем языка *Олди* обнаружила совершенно иной характер: например, фонемы этого языка О. 1. а «сила» (вскрик боли от внешнего насилия), О. 8. і «порода» (язвительный звук), О. 10. к «жизнь» (звук кашля, с которым жизнь покидает тело), О. 16. р «напор» (звук плевка), О. 18. г «рычать (преобладать)» (рычание), и т. д.

Около 2,3 млн лет назад кениантроп принялся «монтировать» из этих фонем односложные слова. Так, из О. 10. к «жизнь» + О. 1. а «сила» получилось односложное слово языка *Руди* Р. 3271. ка «мощь», из О. 16. р «напор» + О. 8. і «порода» – Р. 6868. рі «зверь», а из О. 18. г «рычать (преобладать)» + О. 1. а «сила» – Р. 7849. га «α-самец» (преобладающий самец). Таким методом было создано 108 односложных слов первого этапа развития языка *Руди* (2,3–2,0 млн лет назад). На втором этапе развития языка *Руди* (1,9–1,84 млн лет назад) односложные слова стали компоноваться в двусложные. Так, Р. 6868. рі «зверь» + Р. 7849. га «α-самец» дало Р. 6941. ріга и Р. 7913. гáрі «африканский слон (*Loxodonta*)», что, признаем, метко, а Р. 4470. лу «млечный сок» + Р. 6868. рі «зверь» дало Р. 4534. лúрі «молоко», что не менее метко. Иными словами, в отличие от нас, мудрый кениантроп понимал внутренний смысл слов своего языка, тогда как для нас они являются всего лишь условными звуковыми символами, начисто лишенными внутреннего смысла. Исключение составляют некоторые поздние сложные слова-неологизмы типа слова «пароход» и т. п., причем внутренний смысл составных частей подобных слов нам по-прежнему неясен. Вообще говоря, в свете данных языка *Руди*, мы теперь понимаем внутренний смысл составных частей подобных слов. Так, упомянутое слово «пароход» состоит из слова Р. 7052. рóre «пламя», откуда сложилось значение «пар», и которое образовано словами Р. 6977. ро «вихрь» + Р. 8067. ге «резкий» (обжигающий), тогда как вторая часть слова «пароход» восходит к Р. 8600а. satá «полежать (о растениях)», которое много позже, на индоевропейской почве, дало значение «сидеть; передвигаться, сидя в повозке» (*sed-*) и которое восходит к Р. 8503. са «травянистое растение» и Р. та «яркий» (знойный).

В результате кениантроп, теоретически, мог построить словарь из 23 436-ти слов, из которых пока восстановлено всего около 3-х тысяч (13 %). Однако этот объем уже статистически существенен, так как превышает уровень стандартной статистической погрешности (4 %). Поскольку все слова языка *Руди* поддаются твердой нумерации (впервые в лингвистической истории человечества), они цитируются как, например, Р. 4749а. lǎrá «яростный», что означает, что слово языка *Руди* за № 4749а читается как lǎrá, имеет ударение на втором слоге и означает прилагательное «яростный».

Реконструированная часть словаря языка *Руди* отражает реалии бытия кениантропа, в том числе такие, которые невозможно выявить методами

археологии, палеонтологии и палеоантропологии. В известном смысле, мы как бы получаем возможность взять интервью у кениантропа, и пренебрегать такой возможностью не стоит. Попробуем обсудить обстоятельства жизни кениантропа, опираясь на данные его языка, поскольку совершенно очевидно, что язык *Руди* прямо отражал бытие своего носителя.

Предыстория кениантропа

Первые гоминины усвоили двуногость и высокий удельный метаболизм (прожорливый обмен веществ) в качестве реакции на рост биопродуктивности среды во время ранне-среднемиоценового потепления, 24–13 млн. лет назад (Клягин, 2007: 81–139). В результате у гоминин в 3,8 раза увеличилась продолжительность жизни и численность населения, что поставило их на грань экологического кризиса. Спасаясь от него, гоминины нашей филетической линии (наши прямые предки), вероятно, представители вида «кениантроп плосколицый», перешли в эконишу хищников (точнее, всеядных существ) и снизили численность своего населения в 5 раз.

Эта мера возымела лишь временное действие, и возобновившийся демографический рост побудил гоминин, вероятно, вида «кениантроп с озера Рудольфа», подчинить себя демографо-технологической зависимости, согласно которой между сложностью технологии и численностью ее носителей имеется общее количественное соответствие: больше население – сложнее технология. В результате гоминины (кениантроп с озера Рудольфа) овладели средствами коллективного производительного потребления, т. е. коллективными орудиями археологической культуры *типичного олдовая*, первым достоверным носителем которой был кениантроп с озера Рудольфа.

В результате наши прямые предки кениантропы стали хищными (всеядными) орудийными существами, единственными в животном мире пользующимися орудиями производства и охоты сообщества. Подобная особенность усложнила поведение наших предков по сравнению с другими высшими коллективными животными, что наложило отпечаток на психологию и язык кениантропа. Попробуем вчитаться в эти особенности, пользуясь наличным словарем языка *Руди*.

Духовная культура

Избыточная производительность труда создавало толику свободного времени у орудийного кениантропа с озера Рудольфа. Праздность же, как известно, разлагает всякий коллектив, и коллектив кениантропов не был исключением. Поэтому выжили только те коллективы кениантропов, которые стихийно научились заполнять свое свободное время общением непроизводственного свойства. Ведущими формами общения подобного рода явились речевое общение, ритуальное общение, нравственное общение и эстетическое общение, на почве которых сложились интеллект, религиозное,

нравственное и эстетическое сознание. Существуют и другие способы социализировать свободное время – например, спорт и др. Однако четыре названные формы общественного сознания играют преобладающую роль в деле социализации свободного времени.

Словарь кениантропа содержит целый «ряд» (P. 8345. rónu) понятий времени, как-то: «вечер» (P. 5861. múso), «дневное время» (P. 10149. šího), «время отдыха» (P. 7620. qítä), «время зимнее» (P. 5439a. mätä), «время осеннее» (P. 8540. sála), «время года» (P. 8506. sáhe), «время прошедшее» (P. 6596. rána), «период» (P. 7051a. porá). Встает, вопрос: почему, собственно, кениантроп был так внимателен ко времени? Для современного цивилизованного человека, опутанного расписанием дня, такой вопрос излишен. Однако первозданный кениантроп был вольной птицей и не сидел в застенках городов. Ему-то зачем было следить за расписанием жизни? Например, животные регламентируют свою жизнь во времени инстинктивно и ничуть не нуждаются в вербальном оформлении такой регламентации.

Ответ на поставленный вопрос состоит в том, что время стало для кениантропа предметом, который надлежало привести в соответствие с нуждами раннего социума. Разумеется, кениантроп не был социологом, однако выжили те сообщества кениантропа, которые были внимательны к проведению своего досужего времени, в частности, и времени – вообще. Проще сказать, как и для нас, для кениантропа было неприемлемо проводить время как попало, и регламентация времяпрепровождения породила терминологию, связанную со временем.

Интеллект

Научившись «говорить» (P. 760. háwe), «говорить связно» (P. 8717. sáwe), кениантроп научился выражать речью эмоции: «говорить внушительно» (P. 11410a. werá), «вещать» (P. 9121. súra), «говорить откровенно» (P. 6330. nóha) или, наоборот, «говорить (сквозь зубы)» (P. 2677. jánu) и с соответствующими эмоциями «слушать» (P. 8262a. rišá) и «воспринимать» (P. 6617. rári) то, что ему «сказали» (P. 680. hája). У кениантропа появились вербальные (словесные) «воспоминания» (P. 7715a. qosú) и даже «грезить» (P. 9097a. sumá) он теперь мог на словах. «Немой» (P. 11394a. wené), не умеющий говорить собрат или собрат, обреченный «заикаться» (P. 10529. tári), представлялись кениантропу «глупыми» (P. 3811. kówä) или «помешанными» (P. 5433. mǎša). Возможно, со способностью говорить связана склонность кениантропа (и, добавим, современного человека) выражать неудовольствие «отвисшей (от огорчения) губой» (P. 10954. tómó) или «поджатой губой» (P. 2327. šíla).

Среди кениантропов были «учителя» (P. 7910. gára) с «языком (сдержанным)» (P. 10840a. tilú), чьи «слова» (P. 11337. we) «усваивались (на

слух)» (P. 9370a. šāwǎ), «усваивались (духовно)» (P. 1390a. ʔasé). Обучение младших поколений старшими присуще подавляющему большинству млекопитающих животных. У гоминин институт обучения принял беспрецедентный размах. Причина подобного успеха воспитания состояла в том, что оно (воспитание) представляло собой одну из форм непроизводственного общения, ценную не только преподаваемыми знаниями, но и самим процессом непроизводственного общения. По этой причине воспитательный процесс у людей избыточен: он прививает немало практически бесполезных знаний, зато занимает людей общением непроизводственного свойства.

Как и более поздние гоминины, кениантроп предавался «слухам (сплетням)» (P. 9298a. šākǎ), помогающим ему занять разлагающее свободное время общением непроизводственного свойства. Аналогичным образом, подобно нам, кениантроп отдавал дань различным словесным скандалам, «вскрикам (как от ядовитого укуса)» (P. 9994. šārä). Следует пояснить вот что. Высшие обезьяны, например, шимпанзе, также любят поскандалить. Самцы шимпанзе относительно уравновешены, а самки, наоборот, беспокойны, склонны интриговать и втягивать в свои свары самцов. Последние воздерживаются от вмешательства в разборки, но затем кто-то из них не выдерживает и успокаивает самок чувствительными укусами, приводящими самок в состояние покоя. Выждав время, самки принимаются за старое. Сценарий человеческих скандалов строится аналогичным образом. Причина, по которой столь неприглядное обезьянье общение выжило во времени, состоит в том, что скандалы помогали занимать свободное время непроизводственным путем.

Животным вообще и млекопитающим животным, в части, присуще активное исследовательское поведение. Особенно оно присуще хищникам, в среду которых влился кениантроп. Вдобавок он предавался производительной трудовой деятельности, делающей его самым предприимчивым из хищников. Из словаря кениантропа известно, что он имел потребность «ощущать» (P. 5548a. metá), «думать» (P. 5879. múto), «знать» (P. 10524a. tanó), «познать» (P. 2063. ʔáti), «прозреть» (P. 10825. tíke). Кроме того, он ценил «красноречие» (P. 10897. tíwe), которое, помимо успешного заполнения свободного времени, сулило искусные операции со словами, что создавало предпосылки для универсального отражения действительности словесным способом. Способность говорить «обещала» (P. 7514. qéto) гомининам возможность открывать «сущности» (P. 1560. ʔéke) вещей, но кениантропу приходилось «ощупывать, нацеливаться» (P. 10526a. tará) и «ошибаться» (P. 3786. kósa). Способность словесного проникновения в сущности вещей сообщала гомининам чрезвычайно завышенную

самооценку, что хорошо известно по современным людям. Любое животное, переоценивающее себя, погибает в результате естественного отбора. Гоминины же применяют переоценку своих способностей для вербального (интеллектуального) проникновения во все новые области бытия и не погибают потому, что во многом ограничиваются словесной экспансией в действительность.

Знания, усвоенные кениантропом в тропической Африке, дошли до наших дней, о чем мы порой не подозреваем. Возьмем, например, шотландский канун дня всех святых Хэллоуин, приходящийся на 31 октября. Этой кельтской дате соответствует в Ирландии праздник Самайн, справлявшийся в ночь на 1 ноября и знаменовавший наступление зимы. В ночь на 1 мая справлялся праздник Бельтене, знаменовавший начало лета. Приведенные кельтские даты не имеют индоевропейских корней – они восходят к палеоевропейскому календарю кроманьонцев. Но откуда взялся этот календарь? Напомним, что в тропиках лето, сезон дождей, начинается в мае, а зима, засушливый сезон, наступает в ноябре. По лингвистическим данным, кениантроп придерживался подобного календаря: «лето, сезон дождей (май – октябрь)» (P. 8557. *sámu*), «зима, засушливый сезон (ноябрь – апрель)» (P. 3539. *kémä*). Кениантроп передал этот календарь потомкам и наделил их праздником Хэллоуин. Так что справляющая его шотландская и американская общественность следует заветам кениантропа.

Религия

«Помавая (руками), жестикулируя» (P. 5556. *méwe*), «волшебники» (P. 10987. *tóšä*), т. е. маги, «заклинали» (P. 9343. *šáro*) и «околдовывали» (P. 5082. *lóqa*) «демонов» (P. 7183. *púta*), которые, по этимологическим соображениям (по внутреннему смыслу термина), представляли собой «земные миражи, /при/видения» (P. 10895a. *tiwá*), противопоставляемые «небесным миражам, богам» (P. 10895. *tiwa*). В ходу были различные «заклинания» (P. 6646. *páwe*), «основу» (P. 3323. *kámi*) которых составляли «отвороты (от зверя)» (P. 5406. *mári*), наводящие на саблезубых хищников «порчу» (P. 5866a. *muší*) и вызывающие у них «отвратительное» (P. 6069. *pára*) «отвращение» (P. 3324. *kámo*) к самим себе. Кениантроп «гадал на любовь» (P. 3642. *kílä*), «гадал (по птицам)» (P. 3807. *kóti*), толкуя «знаки» (P. 7600. *qíru*) и «знамения» (P. 11077. *túqa*) в «чистом небе» (P. 3740. *kóke*). Одновременно он умел «проклинать» (P. 9039. *sóti*) и даже «проклинать насмерть» (P. 1610. *íeso*).

Однако уже в его время появились начала религии, о чем говорит термин «молиться» (P. 5597. *míla*). Кениантроп «признавал» (P. 8778. *séne*), «призывал» (P. 8757 *séku*) и обращался с молитвой к «богу (всевидающему)» (P. 1675. *ííle*), в котором узнается Зебра-Солнце (P. 3337. *káru* «саванная зебра»; P. 8933a. *siwá* «солнце»), к «богу (карающему)» (P. 7488. *qére*), к

«богу-слону» (P. 7837. qúta), или богу ночного неба (Клягин, 2007: 174-175). Здесь следует заметить вот что. Образная (изобразительная) сторона палеолитической мифологии раскрыта А. Леруа-Гураном (Leroi-Gourhan, 1964: 77-152; Leroi-Gourhan, 1965), Имеется попытка раскрыть смысловую сторону палеолитической мифологии (Клягин, 2007: 161-191). Упомянутые Зебра-Солнце и бог-слон находят место в этой смысловой интерпретации, что позволяет предположить, что палеолитическая мифология родилась во времена кениантропа. Однако подчеркнем, что лингвистических фактов для доказательства этого предположения пока недостает.

Пантеон гипотетической мифологии кениантропа мог бы выглядеть так. Верховным божеством считалась Зебра-Солнце, «бог (всевидящий)», своего рода «глаз» (P. 6314a. nití), или «свидетель» (P. 3454. kárä), «неба» (P. 9233. šári). Вторым животным пантеона являлся «буйвол» (P. 6096. nãti; P. 6939. ríqo; P. 11203. wásu), отождествлявшийся с «землей (дневной поверхностью)» (P. 10859. tíqa). Третье животное пантеона выступало в трех ипостасях: «водяной козел» (P. 1676. ?íli), отождествляющийся с «утренним» (P. 1363. ?ámu) и «вечерним» (P. 693. hálä) небом; козел-баран пелоровис, *виторогий*» (P. 3996. láqo), отождествляющийся с «дневным» (P. 10850. tíni) небом; «слон динотерий» (P. 3452. káqu) и «африканский слон» (P. 6941. ríga; P. 7913. gápi), отождествляющиеся с «ночным» (P. 7407. qáwa) небом. Наконец, четвертое животное пантеона тоже выступало в трех ипостасях: страшный саблезубый тигр (см. выше) отождествлялся со стражем Преисподней; «[пятнистая] гиена (Леесуаена)» (P. 6950. písi) расценивалась как «проводник» (P. 1410. ?áto) в Преисподнюю; носорог трактовался как «надзиратель» (P. 6608. ráqa) Преисподней.

Функции перечисленных зооморфных божеств пока не ясны. Однако природа божеств кениантропа в целом поддается прояснению. Прежде всего, мы имеем в виду «бога (карающего)». Верящий в него кениантроп с озера Рудольфа был акселерированным инфантильным существом с психикой десятилетнего ребенка. Напомним, что у современных акселератов психика именно такая. У неотеников психика отвечает уровню 17,5 года, и таковой она, по-видимому, была у кениантропа плосколицего. Иными словами, кениантроп с озера Рудольфа показался бы кениантропу плосколицему чудовищно крупным ребенком, а кениантроп плосколицый показался бы кениантропу с озера Рудольфа чрезвычайно низкорослым взрослым. Независимо от физических габаритов дети, как правило, уважают и боятся взрослых. Поэтому предания о предках, кениантропах плосколицых, должны были рисовать кениантропам с озера Рудольфа образ авторитетных существ, представляющихся кениантропам с озера Рудольфа всемогущими, способными судить и карать, что хорошо известно из детской психологии

современности. Иными словами, источником представлений о всемогущих, карающих богах у кениантропа с озера Рудольфа послужили воспоминания о кениантропах плосколицых. В свою очередь, представления кениантропа с озера Рудольфа о богах послужили основой соответствующих представлений более позднего человечества.

Почитались «духи» (Р. 6824. *réro*), в том числе – «злые духи» (Р. 10278. *šóka*), этимологически связанные с понятием «безводности» (Р. 10247. *šo*). Кроме того, кениантроп с озера Рудольфа «поклонялся» (Р. 1759. *ʔóʔä*) «первородным» (Р. 5920. *náke*) «прародителям» (Р. 56. *hána*) из «прошлого» (Р. 7072. *róšo*), из «первобытных времен» (Р. 6763. *réhi*), в которых узнается кениантроп плосколицый. Как только что отмечалось, причина подобного поклонения состояла в том, что неотеничный кениантроп плосколицый, взвешенный и мудрый, представлялся акселерированному кениантропу с озера Рудольфа, инфантильному и легкомысленному, таким всезнающим и всемогущим покровителем, о котором ходили легенды. Более поздние гоминины унаследовали культ предков, уже не понимая его природы, что характерно и для современного человека. В аналогичном ключе объясняются и некоторые другие убеждения кениантропа.

Акселерат кениантроп с озера Рудольфа был инфантильным и «норовистым» (Р. 9799. *šúta*). Он пришел на смену взвешенному неотеничному кениантропу плосколицему. В те времена акселераты сменяли неотеников не так стремительно, как в современную эпоху. Поэтому для обуздания неуравновешенных представителей нарождающегося вида кениантропа с озера Рудольфа уходящие представители вида кениантропа плосколицего «назначили» (Р. 11471a. *wijá*) для акселерированной молодежи обуздывающую систему инициаций и «табу» (Р. 11408. *wéqo*), чтобы «запретить» (Р. 6740. *rášu*) инфантильные бесчинства, «подсказать» (Р. 3049. *jíwe*), «разъяснить» (Р. 6548. *ráha*), «обучить» (Р. 4800. *léhe*) и «приучить» (Р. 3830 *kúʔä*) молодежь сдерживать «порывы (эмоциональные)» (Р. 9803. *šúto*). Заметим, что современная система разнообразных экзаменов для молодежи происходит от инициаций кениантропа. Как и у нынешних инфантилов, метания молодых кениантропов с озера Рудольфа объяснялись полной чуждостью взрослой жизни, унаследованной от неотеничного кениантропа плосколицего.

По разным поводам кениантроп «зарекался» (Р. 5597a. *milá*), «сжигал» (Р. 10751. *téqä*), «сжигал жертвоприношения» (Р. 2118. *ǵǵli*). Если неотеничные кениантропы плосколицые послужили архетипами богов для инфантильных кениантропов с озера Рудольфа, то происхождение обряда жертвоприношений можно представить так. Удачливый шимпанзе-охотник после охоты делится с другими членами стада кусочками мяса, которое у

него выпрашивают примерно так, как это делают нищие у людей: протянув руку. Нет сомнений, что кениантроп плосколицый вел себя аналогично. Однако с появлением на эволюционной сцене кениантропа с озера Рудольфа ситуация изменилась. Обладая детской психикой, этот гоминин должен был проявлять и бесхитростную детскую жадность. Уходящие в небытие кениантропы плосколицые должны были бороться с этой негативной чертой у акселератов и принуждать их к дележу пищей. С исчезновением кениантропов плосколицых подобный принудительный дележ превратился в традицию, что позже приобрело вид жертвоприношения, т. е. дележа пищей, а потом и другими ценностями «с пустотой». На словах жертвы адресовались неотеничным предкам, а впоследствии – богам.

Орангутаны и гориллы иногда погребают своих мертвых, присыпая их листвой или землей (Шаллер, 1968: 167, 219). Когда кениантроп «испускал дух» (Р. 6548a. paḥá) и «коченел» (Р. 4867. léqí), его тоже «погребали» (Р. 930. ḥéne), «хоронили» (Р. 10864. tíqu). Более того, кениантроп применял «сожжение» (Р. 4974. líqä), «кремацию» (Р. 11045. túko). На церемонии он «печалился» (Р. 36. háko), «плакал» (Р. 6686. pǎku) и «оплакивал» (Р. 3433. kǎmo). «Представляя» (Р. 6816. réne) мир погребений, кениантроп составлял представления о «потустороннем (том свете)» (Р. 8337. gómi). Приученный к жертвоприношениям, он делился пищей и др. ценностями с умершими сородичами, т. е. делал погребальные приношения.

Нравственность

Среди кениантропов имелись «глухие» (Р. 10870. tíru), «глухонемые» (Р. 10890. títä), «слепые» (Р. 9006a. soqá) и вообще «калеки» (Р. 5949. párä). Это обстоятельство указывает на то, что кениантропу был свойствен альтруизм, являющийся основой нравственного поведения. Под влиянием «душевного порыва» (Р. 5251. máʔu) кениантроп «клялся» (Р. 716. ḥára) «клятвой» (Р. 7057. rósä) «хорошему» (Р. 5582. míʔi) «другу» (Р. 9738. šúku), которого готов был «закрыть собой» (Р. 3899. kúso), а при расставании с ним «заплакать» (Р. 951. ḥéru). Отклонение от альтруистического поведения «заставляло краснеть» (Р. 7495. qési). Кениантропы являлись не просто членами сообщества высших приматов – они (кениантропы) были «коллегами» (Р. 2052. ʔášo) по трудовой деятельности, что наделяло их социальными отношениями и добавляло общественных связей, в соответствии с демографо-технологической зависимостью.

Кениантроп был великодушным (альтруистичным) существом, что позволяло ему «стариться» (Р. 8943. sóhi) и достигать «старости» (Р. 11080. túqí). «Старый» (Р. 7619. qíta) кениантроп не «пугался» (Р. 9759. šúne), что его «оставят» (Р. 4724. láku), «узнав» (Р. 3548. kéno), что он «стар» (Р. 3766a. konó). Община «стыдила» (Р. 8150a. resó) нарушающих нравственные нормы

«юных» (P. 3109. jónä) кениантропов. Понятие «счастья (груминга)» (P. 6610. ráqe) имело у кениантропа примитивную природу и связывалось с поиском паразитов на теле у сородичей, что их сближало, как и обезьян (см. выше). Таким образом, как и современный человек, кениантроп обретал счастье в общении с себе подобными.

Искусство

По-видимому, кениантропы-мужчины имели растительность на лице: «усы» (P. 10791. téwu), а также «растущую бороду» (P. 9125. síro), «мягкую бороду» (P. 5921a. makí), «густую бороду» (P. 9769a. šuqá). Чтобы «выглядеть достойно» (P. 10372. šúʔi), кениантроп ухаживал за бородой и усами, т. е. «брил» (P. 6725a. päré) их заостренной тростниковой «бритвой» (P. 6575. ráki). В этой связи может возникнуть недоумение, поскольку современные коренные африканцы, представители негроидной расы, как правило, не отличаются пышной растительностью на лице. Однако следует напомнить, что кениантроп являлся отдаленным общим предком для всех человеческих рас, в том числе отличающихся пышной растительностью на лице (европеоиды, австралоиды), и именно от него европеоиды и австралоиды унаследовали выраженную растительность на лице.

Женщины кениантропа убирали «волосы» (P. 7141. rúna), «начесывали (тростниковым гребнем)» (P. 7665. qóki) каждый «волосок» (P. 10729. téli), чтобы, подобно самкам и подросткам горилл, «вплетать» (P. 10929. tóji) в «разглаженные волосы» (P. 5120. lówi) «привлекательную» (P. 3897. kúse) «листву» (P. 3797. kóšu), «покрытую» (P. 4097a. läré) «растительным воском» (P. 10847. tína). Как и современные женщины, они «страшились» (P. 9776. šúrä) «невзрачной» (P. 3696. kítä), «дурной (внешности)» (P. 10649. táre). Мечтали о «красивых ногах» (P. 4022a. latá) и следили за своим «обликом» (P. 9121a. surá), чтобы быть «ухоженными» (P. 7946. ráta) и «нравиться» (P. 8996. sóne). Мужчины же боялись «немощи» (P. 8534a. sakä).

По-видимому, под влиянием неотеничной эволюции своих предков, начиная с перелоапитека каталонского, кениантроп был обезволошен, как современные люди (см. выше). Поэтому ничто не мешало ему «мазать (жиром)» (P. 8666a. sämú) «тело» (P. 10619. tále), «крепкое тело» (P. 10841. tíma), «натирать» (P. 10735a. temí) его, «натирать травой» (P. 8577a. sarä). Жир он «плавил» (P. 10811. tíŋa), «расплавлял» (P. 9100. súmi) и «растоплял» (P. 6732. päsi; P. 11070a. tunú). Кениантроп использовал «нательную раскраску» (P. 10567a. tatú), которую он наносил «стилосом (для татуировки)» (P. 8578a. saré), изготовленным из стебля (P. 9545. šípa) растения.

Подобно гориллам-самкам и подросткам, украшающим себя веточками, кениантроп стремился «украсить себя» (P. 10501. táku) и ценил нательные

украшения, как-то: «браслет на руке или ноге» (Р. 10748. tépo), и «радовался» (Р. 861. ḥāta), «хохотал» (Р. 760a. ḥawé), и ему было «хорошо» (Р. 11311a. wäsó).

Искусный кениантроп умел «дудеть в тростинку» (Р. 3617. kīḥa), в «дудочку (тростниковую)» (Р. 3695a. kitá), в «тростниковую свистульку» (Р. 3670. kīqu) длиной в пару «больших пядей» (Р. 10714a. teká), т. е. в 25 см. по габаритам кениантропа. Умел барабанить в «тамтам» (Р. 10514. táma), «петь» (Р. 6566. rája) и исполнять «танец» (Р. 3756. kóma). В общине кениантропа нельзя было «заскучать» (Р. 9009a. soqí). Он умел «крапить» (Р. 3958. láke) и «красить» (Р. 7475. qérä) предметы обихода, делая свой мир «красочным» (Р. 10241. šíwa).

Психология

Психология кениантропа с озера Рудольфа была тройственной. Во-первых, это была психология высших обезьян, чей рацион на 97% состоит из растительной пищи, как то характерно для шимпанзе и павианов. Во-вторых, это была психология активных стайных хищников типа львов, которые одновременно являются 50-процентными падальщиками, а точнее, хищниками, отбирающими чужую добычу, что для людей совершенно не характерно. Или типа гиен, которые одновременно являются 30-процентными падальщиками, также активно отбирающими чужую добычу, что для людей не характерно. Или типа гиеновых собак, «чистых» стайных хищников, не замеченных в систематическом присвоении чужой добычи, что характерно для людей. В-третьих, это была психология активных, коллективных, орудийных тружеников, не имеющих аналогов в животном мире (индивидуальные орудийные животные известны, но человек не таков).

Определить степень растительности и хищничества у кениантропа по этнографическим данным не просто. «В областях с теплым и умеренным климатом растительная пища занимает 60–80% в рационе современных охотников и собирателей» (Кларк, 1977: 63). Однако эти отсталые мезолитические племена оттеснены в малопродуктивные биотопы типа пустыни Калахари у бушменов. Кениантроп пренебрегал подобными биотопами и предпочитал саванны тропиков, где высока биопродуктивность среды (см. выше), а животный мир изобилует. По лингвистическим данным, подробно приведенным выше, подобно современному цивилизованному человеку, кениантроп придерживался паритета растительной и животной пищи – соответственно, паритета охоты и собирательства в добыче пищи.

Двойственный в поведении, он должен был быть двойственным в психологии. С одной стороны, он был пассивен и сердоболел, как растительные животные. С другой стороны, он был активен и безжалостен, как хищные животные. Проще сказать, слезы (Р. 6686. ráku

«плакать») сочетались у него с оскалом (Р. 7796. qúnä «кусать»). Нетрудно видеть, что психологический облик современного человека прямоком идет от кениантропа. Насколько можно судить, за хищнические наклонности у нас отвечает безжалостное левое полушарие головного мозга (у правой), тогда как сентиментальное правое полушарие, немое, примитивное и древнее, отвечает за древнюю растительную составляющую нашей личности, напоминающую психику высших обезьян. Иными словами, противоречивость, раздвоенность человеческой личности объясняется не какими-то метафизическими причинами, а тем обстоятельством, что мы происходим от кениантропа, сочетавшего два типа психологии.

Кениантроп одинаково называл и себя «я» (Р. 5560. mí), и «очаг (центр обитания)» (Р. 5560. mí), из чего следует, что он не располагал индивидуальным самосознанием, что согласуется с концепцией позднего возникновения индивидуального самосознания, по Дж. Джейнсу (Jaunes, 1976).

Если травоядные млекопитающие пассивны (за вычетом сезона размножения), то высшие африканские хищники постоянно активны, и кениантроп, влившись в их ряды, тоже стал постоянно активным существом. Более того, став обладателем производительных коллективных орудий (средств коллективного производительного потребления), нацеленных на преобразование действительности, кениантроп стал активным «в квадрате». Он приобрел навыки не только «формовать» (Р. 7697. qóru), но и «творить» (Р. 684. hájo) «действительность», т. е. приобрел потребность «создать» (Р. 977. héwä) что-то новое, что для животного мира не характерно.

Как можно видеть по лингвистическим данным, кениантроп был не чужд секса и легкого алкоголя. Однако известный нам словарь языка *Руди* не дает никаких признаков того, что кениантроп был привержен каким-либо наркотикам, если не считать кофейных бобов, увлечение которыми в современном обществе не расценивается как наркомания. Проще сказать, кениантроп был здоровым существом, по своим поведенческим ориентациям. Это похвальное обстоятельство имеет простое эволюционное объяснение.

Современное человечество велико и не подвержено эффективному естественному отбору. Поэтому в нем присутствует определенный процент наследственно больных людей и людей, подверженных наркомании. Напротив, крохотное первобытное человечество подчинялось естественному отбору, который «выпалывал» в нем наследственно больных людей и наркоманов (если бы они возникли). Эволюция человечества продолжалась до возникновения австралоидной и монголоидной рас 84±2 тыс. лет назад. После этого события никаких заметных эволюционных событий с человечеством не происходило. Как ни цинично это звучит, но после

прекращения биологической эволюции человечеству открылись пути к наследственным болезням и наркомании. Однако мы не имеем свидетельств того, что классические наркотические вещества (бетель, опиаты, гашиш) употреблялись в глубокой первобытности. В частности, археологические свидетельства датируют употребление бетеля в 10–7 тыс. лет до н. э. на стоянке Спирит Кэйв (Пещера духов) в Таиланде (Leroi-Gourhan, 1988: 123). Получается, что человечество покатилося по наклонной плоскости к наркомании в ходе неолитической технологической революции, ведущей к цивилизации. Мудрый кениантроп не одобрил бы этого начинания.

Доступный словарь языка кениантропа приводит к небезынтересным выводам. Складывается впечатление, что культура кениантропа путем поступательных усложнений прямоком привела к культуре цивилизованной эпохи, в то время как мезолитические культуры современных примитивных народов (южноамериканских индейцев, южноафриканских бушменов и австралийских аборигенов) отошли как бы в сторону от этого магистрального развития. Например, гипотетическая мифология кениантропа могла послужить источником мифологии верхнепалеолитических кроманьонцев, которую можно связать с мифологией Древнего Египта, самой древней из мифологий цивилизованного мира. Напротив, мифология, например, австралийских аборигенов имеет мало общего с мифологией этого типа. Допустим, франко-кантабрийская мифология европейских кроманьонцев существовала параллельно мифологии австралийских аборигенов. Однако некоторые черты франко-кантабрийской мифологии в словаре языка *Руди* найти можно, тогда черт австралийской мифологии там нет. Это расхождение поддается объяснению.

Предки австралийских аборигенов прибыли в Австралию с северо-запада, из тропической Индонезии, где они должны были переживать эпизод матриархальной жизни. В полном соответствии с этим соображением мифы австралийцев повествуют о прибытии из-за моря, с северо-запада, со стороны Индонезии, Женщины-прародительницы (Берндт, 1981: 182). Австралийская мифология начинается с этого относительно позднего эпизода (61±13 тыс. лет назад). Напротив, европейские кроманьонцы (46 тыс. лет назад) происходят от ближневосточных протокроманьонцев (179±6 – 50 тыс. лет назад), которые прибыли в Палестину из Африки, где продолжали линию кениантропа с озера Рудольфа. Проще сказать, культура последнего послужила прямым источником культуры переднеазиатских европеоидов, которые позже заселили Египет. Это обстоятельство объясняет родство культуры кениантропа и культуры ранней цивилизации при удаленности от культуры современных отсталых народов, населяющих окраины ойкумены.

По этой причине цивилизованному европейцу больше понятна психология кениантропа, нежели психология отсталых периферийных народов. В естественных особенностях психологии кениантропа находят объяснение противоречивые особенности психологии современного человека, как-то: милосердие и агрессивность, привязанность к родине и территориальная экспансивность, мужественность и женственность, открытость и коварство, смиренность и властность и др.

Список литературы

- Берндт, Р. М., Берндт, К. Х. (1981) Мир первых австралийцев. М.: Наука. – 447 с.
- Кларк, Дж. Д. (1977) Доисторическая Африка. М.: Наука. – 264 с.
- Клягин, Н. В. (2009) Первозык мышления // Мир психологии. – № 2. – С. 59-69.
- Клягин, Н. В. (2007) Современная научная картина мира: учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос. – 264 с.
- Шаллер, Дж. Б. (1968) Год под знаком гориллы. М.: Мысль. – 246 с.
- Falk, D., Nadar, A L (1985) 162-28 endocast as evidence that brain enlargement preceded cortical reorganization in hominid evolution // Nature. – Vol. 313. – № 5997. – P. 45-47.
- Groves, C. P. (1989) A theory of human and primate evolution. Oxford: The Clarendon press. XII, 373 p. – P. 70.
- Jaynes, J. (1976) The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin Company. – 467 p.
- Leakey, M. G. et al. (2001) New hominin genus from eastern Africa shows diverse middle Pliocene lineages // Nature. – Vol. 410. – № 6827. – P. 433-440.
- Leroi-Gourhan, A. (1988) Dictionnaire de la Préhistoire. Paris: Presses Universitaires de France. X, 1222 p.
- Leroi-Gourhan, A. (1964) Les religions de la préhistoire: (Paléolithique). Paris: Presses Universitaires de France. – 155 p.
- Leroi-Gourhan, A. (1965) Préhistoire de l'art occidental. Paris: Éditions d'art Lucien Mazenod. – 482 p.
- Yellen, J. E. (1986) The longest human record // Nature. – Vol. 322. – №6082. – P. 774.